

*Об изучении
коммуникативных ценностей
в новейших дискурсивных сферах
(на материале русского языка)¹*

ВАДИМ В. ДЕМЕНТЬЕВ
(Саратов)

Базовым термином-понятием данной статьи является понятие *коммуникативной ценности* (далее – КЦ), а именно: анализируются русские КЦ, при этом в центре исследовательского аппарата находится категория *персональности*. Главная исследуемая проблема – данные КЦ в новых и новейших сферах русской речи, их особенности там. В статье дается обоснование выбора сфер и обсуждение методики выделения, описания и систематизации КЦ в каждой из них, работы с коммуникативно-речевым материалом в каждом конкретном случае.

В частности, нас будут интересовать следующие сферы: «постперестроенная» русская пресса (1992–2013), российский политический дискурс (официальный и неофициальный, включая юмористический), интернет-общение (блоги, форумы, энциклопедии), а также российские телесериалы XXI в.

Все эти сферы еще не были объектом лингвистического исследования с точки зрения отражения в них коммуникативных ценностей, в рамках

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Минобрнауки России в рамках базовой части государственного задания в сфере научной деятельности по заданию № 2014/203, код проекта 1549.

одной и той же системы теоретических представлений и методики, хотя актуальность такого исследования в современной русистике несомненна: с одной стороны, русская культура в целом в высокой степени коммуникативна, о чем свидетельствуют многие ее ключевые понятия – *душа, правда, справедливость, искренность*. О «глубокой исповедальности» русского диалога писал великий русский мыслитель М. М. Бахтин.

С другой стороны, перечисленные новые и новейшие сферы русской коммуникации являются в высокой степени актуальными для общего коммуникативного пространства современной России, а организующие их структурные и содержательные нормы, модели, категории, ценности – во многом определяющими для данного коммуникативного пространства. Коммуникация людей в этих сферах в большинстве случаев может быть охарактеризована как в высокой степени социально и личностно значимая, информативно и эмоционально насыщенная, имеющая несомненную тенденцию к экспансии с точки зрения объема, скорости, интерактивности общения, качества обратной связи. В то же время данная коммуникация еще не получила окончательного становления в своих основных формах и жанрах, при этом часто отличается выраженной негармоничностью, конфликтностью – как своеобразное продолжение названных высоких личностной значимости и эмоционального напряжения.

Теория и методика исследования были в основном изложены нами в книге *Коммуникативные ценности русской культуры: категория личности в лексике и прагматике* (Дементьев 2013): их составляют определение КЦ, представление о внешней структуре КЦ (место КЦ по отношению к смежным коммуникативным феноменам, типология КЦ) и о внутренней структуре, то есть вычленение у КЦ значимых компонентов и анализ их соотношения, уникального для каждого конкретного случая, для каждой конкретной национальной КЦ.

В нашем понимании, коммуникативная ценность – это обусловленная важнейшими принципами национальной культуры коммуникативная категория, которая регулярно и закономерно проявляется в языковой и речевой системе (системы языковой оценки, аспекты лексической номинации, нормы конкретных речевых жанров и др.), в тексте (оценочная деятельность) и в общих когнитивных отношениях человека с миром (аспекты оценочной культурно-языковой картины мира).

По своей вертикальной организации КЦ производна от одной или нескольких культурных ценностей: только под общим зонтиком культуры и ее базовых установок, с санкции соответствующих культурных ценностей, скриптов, сценариев возможно существование той или иной КЦ. В свою очередь, КЦ обуславливает систему конкретных коммуникативных норм, включая правила и нормы конкретных речевых жанров, этикетные нормы и т. д.

КЦ выражается в оценочной деятельности и всех конкретных оценочных действиях, обуславливая их соответствие существующим в культуре и языке оценочным шкалам.

Каждая КЦ отражается в языке (это представленные в лексике и идиоматике оценочные номинации для соответствующих коммуникативных единиц, некоторые более опосредованно связанные с коммуникативными ценностями грамматические и даже фонетические нормы), а также в мифологии, системах обрядов и ритуалов, текстах народного (фольклор) и авторского художественного творчества на протяжении всей истории человеческой культуры.

Наконец, КЦ имеют непосредственное текстово-речевое выражение, при этом если языковым показателем ценностной релевантности той или иной единицы может служить глубина и разветвленность проникновения в систему, число и разнообразие значимых связей и производных, то наиболее надежным речевым показателем, по-видимому, следует считать частотность, представленность данной единицы в текстах, относящихся к разным сферам речевого общения.

Как и в книге 2013 г., при изучении избранных сфер и форм коммуникации в центре научного аппарата находится категория персональности (оппозиция [P] ~ [-P]) и обусловленные ею языковые и коммуникативно-речевые явления (жесткое противопоставление межличностных отношений социальному статусу, неутилитарность «хорошего» общения, четко очерченные границы личностно нейтральных стилей и жанров в русском коммуникативном пространстве и т.д.).

Целью дальнейшей работы (часть которой представлена в этой статье) является составление более полной картины в тех сферах, которые представляются нам наиболее принципиальными с принятой точки зрения. Кроме того, проведенное исследование может уточнить наши диахронические знания и представления о русских ЦК.

Здесь надо сделать одно существенное дополнение, одновременно теоретическое и методическое: анализ того, как представлен в з г л я д на русские КЦ, может быть принципиально двух типов (это соответствует и двум типам материала):

1) это анализ рефлексии над КЦ, которая, так сказать, уже была когда-то кем-то осуществлена, а сейчас доступна нашему наблюдению, будучи зафиксирована в семантике языковых (прежде всего лексических) и речевых (текстовых) единиц (последние представляет рефлексия как высоко компетентных носителей языка в письменной форме – философов, писателей, журналистов, – так и наивных практиков, например в повседневной устной речи);

2) анализ того, как русские КЦ проявляются непосредственно в с а м о й коммуникации (этот материал составляет и коммуникация, осуществляемая успешно, и различные коммуникативные неудачи).

В книге 2013 г. были представлены в основном взгляд и соответственно материал первого типа: анализировалось, главным образом, отражение КЦ в лексике, грамматике, паремиологии русского языка.

Представляется, что этот взгляд необходимо расширить за счет привлечения и анализа собственно коммуникации. Соответственно гораздо более активно должны быть использованы коммуникативные – текстовые, дискурсивные, разговорные методики. Всё это позволяет и уточнить теорию и методику КЦ русской культуры в целом.

Данные сферы современной русской коммуникации должны быть проанализированы с точки зрения представленности в них оппозиции [P] ~ [-P], а также значимых трансформаций данной оппозиции, произошедших за последнее время.

Выбор публицистики вполне очевиден: это наиболее массовое, распространенное, а также доступное наблюдению явление письменной речи. Кроме того, обращение к прессе для изучения КЦ может быть очень эффективно в силу таких базовых характеристик публицистической речи, как ее мобильность, быстрая реакция на новые тенденции и перемены в обществе, в том числе на тонкие изменения таких деликатных сфер, как эмоциональная и нравственная атмосфера, мода и вкусы, формирование новых ценностей/идеалов.

Немаловажно также то, что стилевой доминантой публицистики является постоянное балансирование между экспрессией и стандартом (динамика

и конкретное соотношение экспрессии и стандарта определяют «публицистический облик эпохи»).

Для новейшей российской речевой культуры, помимо прочего, принципиально, что все годы активных перемен (то есть последнее двадцатилетие) публицистика не только чутко реагировала на перемены, но и сама в них активно участвовала, творила и закрепляла огромное число новых речевых и даже языковых фактов, с тех пор прочно (возможно, навсегда) вошедших в русскую речь и язык (см. Сиротинина 2013). Начиная с конца 1980-х гг. русская/советская пресса переживает реакцию на тотальный официоз всех сфер речевой культуры 30-х – 70-х годов: речь прессы претерпевает ряд формальных и содержательных трансформаций, которые могут быть охарактеризованы как гипертрофированное выражение категории персональности, или левого члена оппозиции [P] ~ [-P]. Следствием этого нередко становились вседозволенность, разнузданность, грубость и откровенная безграмотность авторов газетных текстов, отказ от норм литературного языка, а по сути – и от сдерживающих норм и ориентиров (включая этические) «литературно-языковой картины мира», взгляд на мир через черные очки жаргонно-просторечной и обценной картин мира.

При изучении русской прессы, кроме того, мы могли использовать богатые технические возможности, которые предоставляет корпусно-поисковая система **Integrum**. В частности, система позволила выявить и обработать два обширных круга контекстов из современной прессы, в наибольшей мере, по нашему мнению, отвечающих содержанию левого и правого членов оппозиции [P] ~ [-P], – контексты с выражением «*по душам*» и контексты с лексемами «*свет*»/«*светский*» и «*гламур*»/«*гламурный*» (см.: Дементьев 2010а).

Сфера **политической** коммуникации в целом представляется нам несколько менее показательной, чем публицистическая коммуникация, в силу своей естественной тематической и функциональной ограниченности, хотя имеет с ней много общего: главные функции политической речи тоже связаны с эмоциональным воздействием на массового адресата; она тоже балансирует на грани экспрессии и стандарта (как следствие – активно привлекает средства разговорной и нелитературных сфер, включая и жаргонную, и обценную). Кроме того, помимо этих общих / универсальных свойств политической речи, здесь следует назвать еще одно, делающее ее

чрезвычайно показательным, даже знаковым явлением современного русского коммуникативного пространства. Дело в том, что именно в русской политической коммуникации последнего десятилетия особенно велика роль агонального начала в речи, активно эксплуатируются как собственно языковые жаргонно-обсценные единицы, так и элементы жаргонно-обсценной оценочно-репрезентативной картины мира, где особенно актуальными оказываются именно агональные, диссонансные участки, – начиная с распространенности ярко-отрицательно-оценочной лексики и фразеологии и заканчивая использованием конфликтных (как непрямых/манипулятивных, так и вполне прямых) речевых стратегий и тактик (Кочкин 2003; Шейгал 1998).

Но, пожалуй, самым важным в контексте настоящего исследования является то, что русская политическая коммуникация регулярно привлекает для своих целей как средства, представляющие правый член оппозиции [P] ~ [-P] (политики – представители власти, хотя бы потенциальные, и должны владеть языком власти), так и левый член (элементы «задушевной речи», в том числе жаргонно-обсценные элементы).

Ранее (Дементьев 2010b) нами уже было показано, как представители власти используют правый член оппозиции [P] ~ [-P] в официальном политическом дискурсе.

В исследованиях по русскому политическому дискурсу множатся примеры (часто прокомментированные с точки зрения, очень близкой развиваемой нами), когда политик-практик сознательно (сам или по подсказке имиджмейкеров) или бессознательно обращается к оппозиции [P] ~ [-P] в русском языке и речи. Подобные мыслительные операции проделывают в своей интерпретации и пассивные участники «периферии» политического дискурса, то есть зрители – тоже носители русского языка и оппозиции [P] ~ [-P].

Ряд исследований был посвящен такому распространенному явлению в речи русских политиков, как претензии на *задушевность* либо *обсценность* в общении с народом (суть одна: доказать «я свой») (Жельвис 1999; Шейгал 1998). Ср.:

Использование жаргонной и просторечной лексики при описании российской политической и деловой элиты, как и сообщение о ее совместной с бандитами деятельности, упоминание о «*крышующих*» преступников чекистах, служит средством смыслового

сближения официальной и теневой элиты. Обозначение современной политической элиты советской идеологемой *партийно-хозяйственный актив* позволяет подчеркнуть сходство между руководителями разных поколений (Чудинов 2003: 27–34).

Данные явления, которые мы могли бы определить как педалирование левого члена оппозиции [P] ~ [–P], сочетаются в современном российском политическом дискурсе с *канцеляритоподобными* явлениями, частично доставшимися российским политикам по наследству от их советских предшественников, частично благоприобретенными. К этому же типу явлений (противоположному педалированно-задушевному типу) следует отнести, например, подчеркнуто книжный, наукообразный язык представителей правых партий (СПС, Яблоко): «Стал притчей во языцех нарочито книжный, преимущественно научный язык либералов “первой волны” (“завлабов”» (Борисова 2006: 26). Кроме того, на характеристики только формирующегося в 1990-е – 2000-е годы русского политического дискурса оказало влияние утверждающееся в это же время в мировом политическом дискурсе требование *политкорректности*, которое, как отмечает Э. Лассан, именно на русской почве столкнулось с целым рядом совершенно неожиданных (с западной точки зрения) трудностей, препятствующих его настоящему распространению и успеху:

Видимо, в наших странах [...] стремление к инстинктивным формам поведения выше, чем в более благополучных. Отсюда запреты на определенное коммуникативное поведение воспринимаются как запреты на самовыражение, более того – как покушение на свободу личности, в сущности, вкуса свободы, еще не познавшей и вряд ли способной ответить на знаменитый вопрос Ф. Ницше: «Не говори мне, от чего ты свободен, скажи, для чего ты свободен?» (Лассан 2006: 137–147).

Данную группу явлений можно определить как педалирование правого члена оппозиции [P] ~ [–P]. Все это создает весьма своеобразный облик современного российского политического дискурса, на что не раз обращали внимание исследователи:

Слагаемые этого дискурса (политического. – В.Д.) разнородны: канцелярит и мат, анекдот и политический скандал, слухи и лозунги, частушки и пр. (Базылев 2005: 5).

Особый объект нашего внимания, к сожалению, скорее непоследовательно и недостаточно систематически (хотя и частотно) представленный

в современной российской лингвистике, – сфера **неофициальной политической коммуникации**.

Материал, на котором может быть осуществлено такое исследование, объединяет, во-первых, общественно-политическая тематика и выраженная оппозиция [P] ~ [-P], содержание членов которой, несмотря на неофициальность и разнородность материала, практически совпадает с проявлением оппозиции [P] ~ [-P] в официальном политическом дискурсе (речи политиков), представляя собой в большинстве случаев частное лингвистическое проявление глобальной оппозиции «народ-власть», принципиальной для политического дискурса в целом (Дементьев 2010b).

Как представляется, в современной российской общественно-политической коммуникации к наиболее значимым и актуальным тенденциям следует отнести критическое обострение противоречия между интересами человека, личности, «частной жизни» – и всегда в той или иной степени безличными интересами государства. Как всегда, «вечная» оппозиция «*нашего простого человека*» и «*бездушной государственной машины*», существующая в русском обществе и сознании и драматически влияющая на оба, особенно обостряется в периоды перемен.

В самом общем виде те действия, которые совершает власть (или, скорее, как это выглядит с точки зрения народа), получают оценку по шкале [P] ~ [-P]. Такую же оценку по шкале [P] ~ [-P], хотя и с противоположным знаком, имеют ответные действия (реакция) народа: от простого выражения оценочного отношения в оппозиционных текстах – статьях или блогах – или устных речах до антиправительственных выступлений.

Непопулярные меры нелюбимой или критикуемой власти теперь предстают как [-P]; соответственно «критика снизу» приобретает стилистику [P].

В свою очередь, власть, желая сгладить конфликт, продемонстрировать «близость к народу», может сознательно использовать стилистику [P]. Наконец, вербальные оценки, даваемые власти «снизу», т.е. в дискурсе и на языке народа, содержат называющие, объясняющие, разоблачающие, высмеивающие (по принципу карнавала) или пародирующие данные действия власти единицы, которые, таким образом, тоже содержат теперь семантику [-P] – от отдельных лексем до прецедентных текстов и «просто» текстов.

Ср. активную деятельность оппозиционных блогеров, таких как А. Навальный и его *РосПул-а*:

Жанр разоблачений депутатов, введенный в моду Алексеем Навальным и названный «пехтингом» в честь теперь уже бывшего депутата Госдумы, оказался не безобидным развлечением блогеров и либеральных журналистов, а настоящим орудием политического убийства. Пока одни парламентарии складывают мандаты тихо, другие – что характерно, «самые честные» – корчатся под его прицелом (Пехтинг Яровой URL).

Это не удивительно, учитывая, что самые широкие народные массы оказались критически затронуты – и восприняли это через призму оппозиции [P] ~ [-P] и ее обострения – рядом новых мер, норм, правил, законов, порождаемых и транслируемых российскими властными институтами.

Какие же события, действия власти относятся сюда? Вообще говоря, очень многое. Естественно, мы не добавляем «увы», ибо речь идет не о неправильных, антинародных и т.д. действиях власти как таковых, а лишь об оценке их по шкале [P] ~ [-P], которая уже содержится в русском языке и речи, а стало быть, в потенциальном виде присутствует и в российском политическом дискурсе. Собственно, российским политикам (да и любому, кто просто обсуждает политику на русском языке) крайне трудно, почти невозможно «вырваться» из оппозиции [P] ~ [-P], освободить от ее стилистики свою речь – как и возможную реакцию на действия власти, оценку их.

В целом к особенностям, тенденциям, событиям политической ситуации в современной России, актуальным в аспекте [P] ~ [-P], относятся различные идеологические основания членения участников общего политического дискурса на более или менее непримиримые группы, конкретные особенности такого членения. Конечно, как и в большинстве стран или социумов, где есть так называемая политическая жизнь (а в России она несомненно есть), в основе этого членения – противостояние сторонников существующей власти, «государственников», и оппозиционных политиков и граждан, участвующих в политической коммуникации. (Более того: в большинстве так наз. современных демократий есть деление на «своих *тори* и *лейбористов*» / «*республиканцев* и *демократов*».)

Ср. оппозицию «либералы ~ государственники» во властных структурах и соответствующих СМИ, а также попытки власти «услышать народ» – от стремления обуздать произвол беззакония, коррупции, монополий (на-

пример, ЖКХ), «резонансных дел» – до заявлений на самом высоком уровне о «духовных скрепах» российского (и даже русского) общества.

Ср., например, частотные в Рунете высказывания об «отрыве власти от народа», который, по мнению многих оппозиционных авторов, особенно обострился к концу президентства Д. А. Медведева и во многом привел к формированию собственно оппозиции, имеющей членораздельную программу. Так, неоднократно высказывалось мнение, что в новейшей России за внешне либеральной политикой и риторикой происходит отрыв официального слова от жизни: ужесточается цензура, уменьшается количество свободных СМИ (Гостев URL; Маслов, Прудник URL).

Названная тенденция общественно-политической жизни отчетливо проявляется в **массово-информационном** пространстве: это, прежде всего, все большее противостояние официальных («бумажных» и ТВ) СМИ – и Интернет-публицистики, включая блоги. Сама по себе эта тема, конечно, очень интересна для лингвиста. Для нас важно, что в оппозицию [P] ~ [-P] встают не только явно провластные («сервильные») и оппозиционные СМИ (важнее, пожалуй, – официальные и неофициальные), но и издания, не имеющие прямого отношения к власти. В этом смысле показательны оппозиции разных «свободных» **интернет-энциклопедий**, таких как «**Википедия**» и «**Луркоморье**».

Очень широко известная Википедия и относительно молодое и малоизвестное Луркоморье представляют собой два разных типа интернет-энциклопедий, рассмотрение и сравнение которых интересно и поучительно как для культуролога, так и лингвиста:

Проект был основан, когда несколько участников Википедии (по совместительству – ярых фанатов имиджбордов) не приняли правил проекта. [...] У нас нет сколь-либо вменяемой политики значимости, цензуры, толерантности и вообще царит полный административный произвол вперемешку с анархией (Материал с Луркоморья – неформальной энциклопедии (URL)).

К главным **отличиям** Луркоморья от Википедии следует отнести:

1) возможность оценочных высказываний (положительно- и отрицательно-оценочных, хотя в целом, как и следовало ожидать, доля отрицательной оценки значительно преобладает; высоко ценятся всевозможные разоблачения); много прямых, грубых, неполиткорректных и т.д. номинаций, характеристик, определений: даже когда в этом как будто бы нет

необходимости, авторы «спешат» продемонстрировать свою смелость, свободу;

2) много подробностей, мелких, бытовых деталей (в этом отношении Луркоморье воспользовалось идеей «интересных фактов» Википедии, но значительно расширило эту рубрику), при этом подчеркнуто много внимания уделяется фактам низким и стыдным, нередко и смакование грязи;

3) неофициальный и часто оригинальный язык, включая, с одной стороны, языковую игру, окказионализмы и неологизмы (обычно обыгрывается русский язык, но нередко и английский), с другой – жаргонизмы и мат (см. Шульгин 2010);

4) подчеркнутая современность («модность») точки зрения и текста: активное использование молодежного языка, интернет-сленга (включая *каценизмы* и *падонковский язык*), как и частотное упоминание «молодежных реалий»; с другой стороны, иногда «Анонимусы», наоборот, выступают как «пожившие, много повидавшие люди», подчеркнуто отдают предпочтение «старому» – произведениям, отношениям между людьми, нормам, моде и т.д.

Система оценок на Луркоморье производна от его идеологии – а это, вообще говоря, *свобода*. Причем свобода особая: требующая очень активных действий, *борьбы* со всем тем, что этой свободе мешает. В целом это идеологическая борьба с любым давлением, при ближайшем рассмотрении – с двумя сильнейшими авторитетами в сегодняшней России (и, видимо, мире): властью (*Анонимусы* подчеркнуто непочтительны к власти, немало и прямых политических обвинений) и деньгами (заказных или рекламных статей на Луркоморье как будто бы нет вовсе).

Но дело в том, что и Википедия тоже позиционирует себя как *свободная* энциклопедия. Но там свобода, в общем, понимается только как возможность сообщения информации независимо от власти. Ср. недавний конфликт с властью РФ из-за статьи *Курение каннабиса*, где Википедия победила:

5 апреля 2013 года ФГУП НТЦ «Информрегистр» направил в адрес «Викимедиа РУ» уведомление о внесении статьи *Курение каннабиса* в «Единый реестр запрещенных сайтов».

Руководство «Викимедиа РУ», действуя в соответствии с принципом открытости, передало письмо Роскомнадзора на суд сообщества русской Википедии, а также сообщило, что только участники проекта могут решать, что делать со статьей. Ни «Викимедиа РУ», ни Wikimedia Foundation, Inc. не вправе решать судьбу этой статьи.

В сообществе Википедии на русском языке разгорелась ожесточенная дискуссия, участники которой явно заявляли, что ни удалить статью, ни изменять ее в нарушение собственных правил сообщество не будет.

Уже с 7 апреля 2013 года власти начали пытаться гасить конфликт, распространяя через проправительственные СМИ не соответствующую действительности информацию о том, что редакторы Википедии редактируют «запрещенную» страницу с целью привести ее в соответствие с требованиями чиновников. 8 апреля 2013 года аккуратные формулировки превратились в откровенную ложь. Так представитель Роскомнадзора Владимир Пиков заявил «Интерфаксу»: «Нам прислали статью о курении каннабиса в новой редакции. Наши эксперты ей удовлетворены, претензий к Википедии мы теперь не имеем».

Тем не менее, сообщество Википедии снисходительно отнеслось к попытке чиновников сохранить лицо и в последовавшем обсуждении не высказало намерения раздувать конфликт, так как надеется, что позиция сообщества Википедии и фонда Wikimedia Foundation, Inc. до всех сторон была донесена достаточно ясно: «Подчиняться давлению слабых и трусливых политиков – тех, которые боятся распространения знаний, – это не путь Википедии» (*Материал из Википедии – свободной энциклопедии* (URL)).

На Луркоморье свобода понимается значительно шире. В общем, свобода на Луркоморье означает, что Анонимус *выражает оценку* – причем исходя только из своих внутренних убеждений.

В этом отношении интересно, что Википедия, представляющая далеко не всегда лояльную к власти, верноподданную или сервильную точку зрения, идеологию, на каковую идеологию, как известно, традиционно направлен карнавал в чрезмерно окостенелых социумах, но не дающая оценки, стремящаяся к объективности, «значимости» и т.д., с точки зрения Луркоморья тоже понимается как в каком-то смысле несвободная, потому что «формальная», а значит, в чем-то с неизбежностью недостаточно правдивая и искренняя:

В отличие от Википедии, мы не ставим своей целью написать обо всем на свете сразу и не руководствуемся мифическими критериями «значимости» и «энциклопедичности» (URL).

Огромное количество как настоящих человеческих драм, так и настоящих текстовых шедевров в России 20 лет назад породило **«вступление в рынок»** (со всеми «рыночными структурами», включая, конечно, собственно организационно-коммуникативные).

Ср. исследование Казимежа Люциньского (2010), в котором анализируются новейшие английские заимствования посткоммунистической эпохи. Автор дает когнитивный комментарий к некоторым словам (с точки

зрения ряда популярных, влиятельных, модных тенденций, таких как последствия глобализации, формирование новой «культуры потребления», «клиповое восприятие реальности», новые гендерные тенденции в молодежной культуре, наконец, формирование «телесного императива»), выявляя новые значимые идеи, стоящие за теми или иными заимствованиями и их отношениями с уже существующими синонимами.

Главная из таких идей состоит в том, что новая «рыночная» идеология, характерная для капиталистического общества, пришедшего на смену коммунистическому, порождает иной взгляд на мир и соответственно иные дискурсивные практики, метафоры. При этом данная идея вполне естественно переносится с собственно потребления, «шопинга» на рекламу, гляцевые журналы и политическую коммуникацию, порождая соответствующие метафоры. Вывод, который делает автор, состоит в том, что нынешняя культура – это *шопинг-культура*, которая и формирует metaphors we live by: человек – артефакт, тело – неодушевленный объект, лицо – маска, мир – супермаркет, политика – маркетинг (Люциньский 2010: 46–74).

Думается, данная «рыночная» идеология действительно включает важную идею социально-ролевого регулирования (покупатель-продавец/работодатель) и, как любая социальная роль, включает определенную личностную параметризацию, ограничивает число аспектов «Я». Поэтому в русской культуре данная идея, особенно ее социально-коммуникативное преломление – рациональных взаимовыгодных отношений, с тщательной выстроенностью «рекламной» самопрезентации, – в сознании многих людей была естественным образом объединена с идеей правого члена оппозиции [P] ~ [–P].

С тех пор, конечно, многое улеглось, а что-то забылось, но что-то только обострилось и все время порождает новые рефлексии и новые текстовые и языковые феномены.

Так, одна из основных тем монологов **Михаила Задорнова** последних лет – высмеивание текстов **официальных объявлений**, написанных «нашим человеком», который по своей природе такие тексты писать не умеет, поскольку является «*задушевым*» и «*творческим в никуда*», а также хочет «продемонстрировать литературность» – по сути хочет приятного общения с равным и понятным (а не чиновником). Все эти качества «нашего человека» невольно или вольно прорываются сквозь официальный текст,

который всегда задает некое институционально-обезличенное регулирование, – объявления, газетные тексты, билборды, рекламные и политические плакаты в местах общественного пользования: магазинах, кафе и ресторанах, кинотеатрах, вокзалах, аэропортах, лифтах, заповедниках и т.д.:

– Зоомагазин, объявление: *«Сунуть палец в клетку с попугаем – 100 рублей!»*;

– Москва, в магазине, на дверях табличка: *«С беляшами не входить, и не спрашивать, почему!»*;

– Супермаркет, объявление: *«При покупке любого товара в левой половине магазина требуйте подарок от продавца в правой половине»*. В скобках: *«когда вам дадут подарок, просьба: матом не ругаться!»*;

– Томск, бар, в баре табличка: *«Спеть в караоке – 100 рублей, если зал против – 1000 рублей»*;

– Киоск в Москве, предупреждение: *«Уважаемые покупатели! Так как у нас под киоском кто-то сдох, просьба терпеть до полного разложения»*;

– Москва, объявление в лифте. Видимо, какой-то в прошлом писатель стал лифтером, его тоже переполняет желание быть литературным. Объявление в лифте: *«Если вы хотите уехать на лифте вниз, нажмите кнопку «вверх» (ну, у нас все наоборот), и, соответственно, наоборот»*. Далее: он продолжает: *«Согласен, что это нелогично»*. И дальше – долго объясняет, что и как работает;

– Уссурийский край, заповедник. Перед входом в заповедник, естественно, предупреждение. Ну, коряво написано, как все, что пишут наши чиновники: *«Запрещается розжиг костров, выгул собак, отлов и отстрел дичи»*. Ну, коряво. Какой-то интеллигент, видимо, подошел, прочитал, думает, ну, как так, ну, [нрзб.]. Вынул фломастер и приписал: *«а также выпас, выгул скота и выполз змей»*. И, довольный, ушел. Видимо, за ним вскоре пришел другой интеллигент, думает: а я, чё, хуже? Вынул фломастер – форум начался на этой!.. – и пишет: *«выпорос свиней, выжереб коней, выкобыл лошадей, вылуп птиц из яиц и выухол выухолей!»* И так, одна за другой, подписи: кто-то пришел, думает: о-о, и я могу! *«выкур курей и выпрыг кенгурей», «обгад ромашек», «обдир ягод», «выхлоп газов», «вынос тела», «выкидьши мусора», «выродок людей»* кто-то приписал, *«выпендр фраеров», «выстрел Аврор»* (в Уссурийском крае!). Вот. И внизу крупно: *«высморк насморков!»*

Эта оппозиция близка к оппозиции [P] ~ [-P] в ее традиционном значении: член [-P] представляют социальные институты, прежде всего – облеченные властью. «Не наш», противостоящий всему любимому автором (и всему *живому*), – российский чиновник, который думает, и пишет, и выражается – коряво, «мертво», насаждает ЕГЭ. Российские чиновники опутывают «нашего человека» сетью нового официоза. К чиновникам примыкают все обладающие властью насаждать официоз, и прежде всего – нормы официальных текстов: бизнесмены, олигархи, хозяева и руководство различных компаний, служб, магазинов, даже обслуживающий персонал там.

Есть еще одно обстоятельство, повлиявшее на наш выбор. Нам показалось, что обращение для изучения ценностей к сферам публицистики, политики может быть хорошо, как ни парадоксально, в силу некоторого «естественного цинизма», присущего речи, поведению, шире – картинам мира, стоящим за данными сферами коммуникации. «Здоровый профессиональный цинизм», которым любят бравировать братья-журналисты, не позволил бы им делать вид, что та или иная ценность существует, если в действительности ее не существовало. (В еще большей степени это касается мира юмора, карнавала, «снижающего высокое» по своей природе.) Цинизм политиков не меньше, но проявляется не в прямом отрицании ценностей, как в случае прессы и особенно юмора, а в скрыто-манипулятивном оперировании ценностями. Конечно, это по-своему не менее объективный критерий отбора ценностей: использование некой идеи в качестве ценности, которой оперирует политик, красноречиво говорит о том, что она действительно является такой.

Наконец, показательна собственно **семантика** языковых единиц, в частности, с точки зрения разных членов оппозиции [P] ~ [-P], номинации участников текущей политической ситуации, противостоящих друг другу – см.:

И вот тут всплывает самая отвратительная версия. Любопытно, что она в равной степени поддерживается и охранителями, и либералами. Мол, дело снова в «двух разных Россиях». Одна представлена «людьми совести» («болотными негодяями» в другой терминологии), другая – «молчаливым моральным большинством» (они же «жертвы зомбоящика») (Дробницкий URL).

Конкретные лексемы и идиомы, используемые в современном российском общественно-политическом дискурсе, могут входить в разные груп-

пы в зависимости от конкретного сочетания названных факторов: *рукопожатные, белоленточники, болотные, поклонные, либералы/либерасты/либероиды, демшиза, офисный планктон, сетевые хомя(ч)ки, «креативный средний класс» и «креативные рассерженные горожане»* (в кавычках и без), *креативный класс, креаклы, бандерлоги.*

Ср. очень сильные отрицательные коннотации (до ненависти и презрения) в целом ряде новых слов, которые совсем недавно воспринимались как «модные», теперь же уже довольно устойчиво употребляются (в том числе в политических речах) или как злая ирония, или даже как уже почти прямые выражения: *эффективные менеджеры* (и совсем уже презрительное *менагеры*) / *эффективные собственники, модернизация и модернизаторы, инновационщики* (часто пишется в кавычках):

Внутренняя логика пропаганды требует постоянного расширения ее ресурсов. В этой связи новость прошлой недели: назначение Арама Габрелянова генеральным директором Русской службы новостей означает создание нового эффективного «**инкубатора подлецов**». Хотя и под патронажем Доренко это СМИ издавала вполне определенный аромат. Однако Доренко человек творческий, а Габрелянов **менеджер, притом эффективный**. Поэтому скорее всего он будет ставить задачу превратить РСН в лидера по влиянию на рынке радио (Брелянов URL).

Как уже было сказано, очень перспективным – как и в самой жизни – представляется анализ того, что дает **Интернет**.

Интернет – «новая цивилизация», «новое чудо света», роль которого в формировании культурных моделей, идентичностей и норм, нельзя недооценивать.

По нашему мнению, Интернет должен быть понят, во-первых, как коммуникативный феномен (главное, ради чего приходят в Интернет тысячи пользователей, – общение), во-вторых – как феномен гуманитарный: как отразил – и как по-новому объяснил природу человеческого общения, малых и больших человеческих сообществ – и как изменил их.

В этом гуманитарном (или даже гуманистическом) смысле оценочные характеристики Интернета действительно очень глубокие, яркие, сущностные, но – амбивалентные: с одной стороны (в названной гуманитарно-гуманистической парадигме это может быть обозначено как «добро» или «благо»), Интернет – это огромное увеличение в жизни человека места и роли **общения** – а значит, это всегда, в той иной степени, **путь к пониманию и согласию**, а значит, в той же гуманитарно-гуманистической

парадигме, которую особенно четко и ярко определил М. М. Бахтин, сама **жизнь!**

С другой стороны («зло», «от Дьявола»), в Интернет и интернет-общение проникли и многие пороки обычного общения (зачастую они не только сохраняются, но и значительно усиливаются – по причине тех же увеличившихся, по сравнению с обычным общением, возможностей): агрессия, «звездная болезнь», «бегство от жизни» и аутизм.

Лингвист, естественно, должен изучать «языковые проявления и добра, и зла» как равно важные (и, конечно, изучает – по «лингвистике Интернета» уже существуют многочисленные исследования, проводятся международные конференции, издаются специальные научные журналы, защищаются диссертации, в том числе докторские).

Как это связано с исследуемой нами проблемой? С одной стороны, в русском/русскоязычном Интернете, который является частью русской культуры (все-таки не наоборот), есть оппозиция [P] ~ [-P], проявления которой, в силу названных увеличившихся возможностей общения в Интернете, таких как большая интенсивность, скорость, интерактивность, проявляется подчас весьма интересно и очень интенсивно – а значит, ярко (конечно, сейчас эти особенности могут быть лишь очерчены – в будущем необходимы полноценные, широкие и детальные исследования), причем это далеко не всегда только количественные отличия: конечно, на общение в Интернете накладывает отпечаток еще и то, что участники – преимущественно молодежь.

Уже начальные наблюдения подтверждают, что категория персональности сохраняет свою значимость в русскоязычном Интернете.

Так, поисковая система Яндекс выдает на фразы *Что же на душе так хреново?* *Что же на душе так погано?* и *Что же на душе так паршиво?*² более 50000 ссылок, из которых мы наугад отобрали 365 ответов (7910

² В английском языке нет ничего подобного такой фразе ни по лексическому составу, ни по выражаемым коммуникативным смыслам, ни – тем более – по ожидаемой реакции. Реплики с семантикой жалобы, призыва к сочувствию возможны (хотя и значительно менее распространены, чем в русском): ближайšie аналоги (*Oh, God! I am feeling down; Something's getting me down; I'm in the dumps*) по форме и семантике представляют собой констатацию состояния депрессии, плохого настроения, наиболее распространенной реакцией на которые (при условии гармоничного общения) будет *Sorry* или ободрение типа *You'll be fine* (есть вероятность также совета проконсультироваться у психолога).

словоупотреблений) на 7 тематических форумах «На душе хреново» и «Что делать, когда на душе хреново?»³:

Реплики участников форума (среди них были и мужчины, и женщины) – ответы на поставленный «аскером» вопрос – тематически разделились на несколько неравных групп. Характерно, что ответов на прямо поставленный вопрос (*у тебя на душе хреново, потому что...*) почти не было, за редким исключением (*Да потому что люди жестокие...; Потому что вся жизнь гавно, все люди мляди, вот поэтому и хреново... Хутка!!! Всё охреново; потому что помидоры красные*), причем называются причины своего, а не «аскера» плохого настроения (*Потому что этот гад вечно не рядом... Вечно в делах! ЗАРАЗА!!!; Потому, что машину помыла, резину поменяла, а зря! погода, сука, испортилась! лета хочу!*).

Зато выделились три наибольшие по частотности группы, которые можно охарактеризовать как доброжелательно-участливые, высокомерно-агрессивные и нейтральные.

Первую группу (от 30 до 40% от общего объема) составили высказывания, где авторы пытаются подбодрить «аскера»), используя стереотипные выражения (*ничего, пройдет, все образуется, все будет хорошо*), дают практический совет (*посмотри хороший фильм, послушай музыку, съешь чего-нибудь вкусенького, выпей, поделись с близкими людьми*), приводят примеры из жизни или литературы/кино (как что-то помогло / не помогло справиться с плохим настроением), рассказывают веселые истории, анекдоты – или грустные истории из жизни или литературы/кино.

Вторую группу (около 10%), противоположную первой, составили высказывания выраженной конфликтной или провоцирующей тональности, где авторы отводят тему – раздраженно (*ладно, не ной; кончай мозги...!*), насмешливо или с издевкой, часто это провокации сексуального характера (*сделай кунilingус!*).

Наконец, третью, наиболее разнообразную и трудно определимую группу (от 40 до 50%) составили нейтральные по степени кооперативно-

³ http://www.pasctoz.ru/Pochemu_na_dushe_tak.htm;
<http://milkandpoison.beon.ru/14813-351-что-делат-когда-на-дусхе-хреново.zhtml>;
<http://ltalk.ru/lady/162-519-mnc-ochen-hrenovo-na-dushe-ne-zna-read.shtml>;
<http://otvet.mail.ru/question/3178001/>;
<http://www.lovepicture.ru/lovepage/1726.html>;
<http://skradyvat.ru/1-bcdffgi.jsp>;
http://piroforum.info/fludiliwe/kogda_na_dushe_hrenovo/.

сти/конфликтности высказывания, где авторы отвечают симметрично (*а у меня не лучше!*), отшучиваются (*ляг, посты, и все пройдет!*), отводят тему, но не агрессивно, в отличие от второй группы (*да брось!, забей!*), либо рассказывают истории из личного опыта, делают обобщения о «жизни вообще», определить непосредственную коммуникативную цель которых (подбодрить или, наоборот, обидеть) сложно.

Гррррр!!!!ЗАБЕЙ НА ЭТО ХРЕНОВО!!!!НЕ ЗАБЕВАЙ МОЗГИ!!!!Дерьма и вокруг много, в нутри оно не нужно. Прошу прощения за грубость.

когда очень плохо ляг посты и всё пройдёт!! а если нетт, то тогда хз

Говоришь человеку одно, а он перекрутит так, что потом оказываешься виноватой, хотя первая указывала на его ошибки!!! Где справедливость? Мне потом же и извинятся?(((

По-видимому, с точки зрения базовых сценариев русской речевой культуры, первая и третья группы представляют равно адекватные и ожидаемые реакции (различия в основном определяются эмоциональным настроением автора на данный момент). Но и вторая группа исходит из точно таких же представлений, пусть реакцией и является агрессивное отрицание или отвод темы (причины депрессии иногда называются, иногда нет: видно, что это – далеко не главное: *вот и у меня на душе хреново....сама не понимаю в чём причина....одиночество гложет меня наврное*). Показательны реакции «аскера» на советы и рассуждения участников форума, откликнувшихся на его вопрос: *читаю я вас и на душе как то хорошо уже становится*)) – как видим, имелось в виду (и последовало) именно общение.

С другой стороны, важные национальные особенности русского Интернета, наоборот, сглаживаются и нейтрализуются глобализацией и глобальностью *Всемирной паутины* – ср., например, во многом противоположные «задушевности» и оппозиции [P] ~ [-P] в целом присущие современной европейской цивилизации в целом «постмодернистские» ценности / оценочные характеристики общения в Интернете – и монологов, и диалогов.

В частности, в русскоязычной интернет-коммуникации глобализация привела к тому, что жанры, формы, словарь и, так сказать, «грамматика» русской *задушевности*, как одной из главных характеристик исключительно положительно оцениваемого общения, иногда «растворяются»

и нейтрализуются сложившимися в англоязычной интернет-коммуникации (а часто – и неинтернет-коммуникации) формами, стереотипами, жанрами – «глобально-обкатанными формами, а где-то даже – общей концептосферой, системами ценностей, оценки, присущими данной культуре.

В целом рассмотрение русскоязычного Интернет-общения позволяет выявить следующие значимые с точки зрения оппозиции [P] ~ [–P] характеристики:

1) очень большое распространение (в оппозиционных блогах, онлайн-комментариях к политическим публикациям – как официальным, так и выражающим точку зрения официальной идеологии – но далеко не только) средств критической тональности, при этом:

2) преимущественное использование полярной оценочной модели;

3) подчеркнуто неофициального языка;

4) педалирование образа автора (отражение личностных качеств, таких как детали биографии, вкусы, субъективизм в оценках и его объяснения, при этом на первый план выходят снижающие стратегии и самоирония);

5) наконец, качество отношений с адресатом: превращение «диалога-1» – передачи информации – в «диалог-2» – получение удовольствия от этого общения (к такому «диалогу-2», сближающемуся в своих проявлениях с игровым или фактическим общением, ведет педалирование образа автора – как усиление субъективно-оценивающего «Я», **игра** с адресатом, например, «падонковский язык» или «язык имиджбордов», используемый на сайте «Lurkmore».

Несомненно, дальнейшие, систематические исследования данных феноменов с точки зрения русских коммуникативных ценностей относятся к актуальным задачам как современной русистики, так и теоретической коммуникативистики, лингвокультурологии – и лингвистики в целом.

Литература

- Базылев В. Н., 2005, *Политический дискурс в России*. – *Известия УрГПУ. Лингвистика*, Вып. 15, ред. А. П. Чудинов, Екатеринбург.
- Борисова Е. Г., 2006, *Особенности антиглобалистского дискурса в России*. – *Известия УрГПУ. Лингвистика*, Вып. 17, ред. А. П. Чудинов, Екатеринбург.
- Дементьев В. В., 2010а, *Коммуникативные ценности в зеркале медиа: «задушевость» vs. «светскость» vs. «гламурность» в современной русской прессе*, «Stylistyka», XIX, s. 23–66.

- Дементьев В. В., 2010b, *Русский новояз в свете теории коммуникативных ценностей (на материале политической речи)*, «Политическая лингвистика», Вып. 4 (34), Екатеринбург, с. 24–40.
- Дементьев В. В., 2013, *Коммуникативные ценности русской культуры: категория персональности в лексике и прагматике*, Москва.
- Жельвис В. И., 1999, *Инвектива в политической речи. – Русский язык в контексте культуры*, Екатеринбург.
- Кочкин М. Ю., 2003, *Политический скандал как лингвокультурный феномен*, Волгоград.
- Лассан Э. Р., 2006, *О политкорректности как попытке обуздания инстинкта агрессии*, «Известия УрГПУ. Лингвистика», Вып. 17, ред. А. П. Чудинов, Екатеринбург.
- Люцинский К., 2010, *Языковые заимствования и ментальность: о влиянии заимствованных языковых средств на ментальность лингво-культурного коллектива (на материале русского языка в сопоставлении с польским)*, Екатеринбург.
- Сиротинина О. Б., 2013, *Русский язык: система, узус и создаваемые им риски*, Саратов.
- Чудинов А. П., 2003, *Интертекстуальность политического текста*, «Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества», т. 10, ред. А. П. Чудинов, Екатеринбург.
- Шейгал Е. И., 1998, *Политический скандал как нарратив. – Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты*, Волгоград.
- Шульгин А. В., 2010, *Русский язык в Интернете: интернет-энциклопедия Lurkmore. – Русский язык и культура в пространстве русского мира. Материалы II Конгресса Российского общества преподавателей русского языка и литературы*, т. 1, Санкт-Петербург, с. 415–421.

Источники

- Габрелянов – эффективный менеджер // Ежедневный журнал. 2013. 21 янв.
URL: <http://www.ej.ru/?a=note&id=13065>
- Гостев Александр. Свобода и несвобода по версии Freedom House // Радио Свобода. 9 апреля 2014.
URL: <http://www.svobodanews.ru/content/article/24566269.html>
- Дробницкий Дмитрий. Герой в отставке // Известия. 24 апреля 2013.
URL: <http://izvestia.ru/news/549324#ixzz2RO7gGseK>
- Луркоморье: русский lurkmore // URL: <http://lurkmore.to/>
- Маслов Олег Юрьевич, Прудник Александр Васильевич. Дмитрий Медведев не-президент России-2012: 10 причин для народного недоверия (выборы

президента России 2012 – часть 2) //

URL: <http://www.polit.nnov.ru/2011/04/11/medvedev/>

Пехтинг Яровой: Единороссы вступились за коллегу // *The New Times*, 11 марта 2013/ URL: <http://vchera.com/news/37693/>

Русская Википедия внесена в «Реестр запрещённых сайтов» // URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Русская_Википедия_внесена_в_«Реестр_запрещённых_сайтов»

*About studying the communicative values
in neoteric discursive spheres (based on Russian)*

Communicative value is formed by the essential principles of national culture communicative category that regularly and naturally manifests itself in language and speech system (a system of language assessment, lexical categories, and the rules of specific speech genres, etc.) in the text and general cognitive relationship with the world (cultural aspects of the assessment of the picture of the word).

In the study, selected areas and forms of communication are due to the category of personality, and its linguistic and communicative phenomenon.

The communicative values in new and newest areas of Russian speech are analyzed: in the “post-perestroika” Russian press (1992–2012), Russian political discourse (formal and informal), the Internet communication (encyclopedias, online forums), as well as in Russian art literature of XIX–XX centuries (and cinema). All these areas have not yet been the subject of linguistic research in terms of communicative values within the same system of theoretical concepts and techniques, although the relevance of such a study in modern Russian studies is certain: on the one hand, the Russian culture in general is highly communicative, as evidenced by many of its key concepts – *dusha* ‘soul’, *pravda* ‘truth’, *spravedlivost* ‘justice’, and *iskrennost* ‘sincerity’. About the “deep confessionality” of Russian dialogue, wrote the great Russian philosopher M.M.Bakhtin. On the other hand, these new and newest spheres of Russian communication are highly relevant to the overall communicative space of modern Russia, and organize its structural and substantive rules, patterns, categories, values – in many ways defining part of it. Communication of people in these areas, in most cases, can only be described as, on the one hand, in high degree socially and personally meaningful, informative and emotionally rich, has the undoubted tendency for expansion in terms of speed, interactivity, quality of feedback. On the other hand, this communication has not yet completed its final formation in its basic forms and genres, and is often characterized by severe disharmony and conflicts.

Keywords: *communicative values of Russian culture, category of personality, new and newest areas of Russian speech*